

В ПОИСКАХ «КИТАЙСКОГО ВИРУСА»: МИФОНАРРАТИВЫ ЗАПАДНОЙ СИНОФОБИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

С. П. Поцелуев, Мэн Юйфэн

Поцелуев Сергей Петрович

Эл. почта: spotselu@mail.ru. ORCID 0000-0002-8562-6541.

Мэн Юйфэн

Эл. почта: 552094367@qq.com. ORCID 0000-0002-3747-8927.

Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия

Аннотация. Целью статьи является идентификация метафорического статуса спорного выражения «китайский вирус», получившего распространение в западной антикитайской пропаганде в начальный период пандемии COVID-19. Авторы доказывают синофобско-метафорический статус данного концепта, обращаясь к его широкому медийному и культурно-историческому контексту. С опорой на методологию критического дискурс-анализа и, в частности, на «дискурсивно-исторический подход» (Р. Водак), авторы идентифицируют метафоры, ставшие частью традиции западной синофобии и составившие семантическое поле вокруг концепта «китайский вирус». Рассматривая когнитивную теорию метафоры в качестве важного ресурса критического дискурс-анализа, авторы акцентируют различные версии нарративного парафразирования метафорического концепта «китайский вирус». В статье выделяются наиболее популярные версии нарратива о «китайском вирусе», а также отмечается их сходство с версиями «сказки о справедливой войне», идентифицированной Дж. Лакоффом в американском пропагандистском дискурсе периода войны 1990 г. в Персидском заливе. Подчеркивая мифический статус нарратива о «китайском вирусе», авторы указывают на пропагандистскую необходимость медийной поддержки данного нарратива посредством фальшивых новостей. В статье анализируется ряд случаев такого рода сообщений с учетом политических и коммерческих мотивов их авторов, а также реакция на них китайских медиа, что выливается в соответствующую войну нарративов. В статье делается вывод о том, что ключевым моментом социально-политического контекста метафорического концепта «китайский вирус» является основанное на общности интересов коммуникативное содружество нескольких социальных акторов: профессиональных политиков, медиа, ангажированных ученых, представителей спецслужб и бизнеса.

Ключевые слова: COVID-19, «китайский вирус», метафора, нарратив, миф, война нарративов, медиа, фальшивые новости, специальные службы.

Когда катастрофа вроде пандемии COVID-19 случается в эпоху «постправды», у способности к суждению особенно трудные времена. Однако есть уверенность, что, проясняя дискурс о событии, можно существенно облегчить и понимание самого события. Анализ метафор и нарративов языка публичной сферы есть важная часть такого прояснения, способная пролить свет и на то, каким образом метафорические рассуждения и нарративные обоснования влияют на принятие соответствующих политических решений. Объектом внимания в данной статье является метафорический концепт «китайский вирус», представленный в дискурсивно-нарративном и социокультурном контексте политико-пропагандистского противостояния между Западом и КНР в период пандемии COVID-19.

«Китайский вирус»: проблемная семантика притворного концепта

Американский президент Дональд Трамп, как известно, долгое время снижал серьезность пандемии COVID-19 и только с внесением этой темы в контекст про-

тивостояния с Китаем обрел в ней свой политический «капитал». В течение марта 2020 года «вирус из Китая» превратился в речах Трампа в «китайский вирус». Причем это выражение глава Белого дома использовал намеренно, что стало ясным, когда в марте 2020 года фотограф запечатлел наброски выступления Трампа, в которых слово «согона» было вычеркнуто и заменено на «Chinese»¹. К тому времени уже были предложены нейтральные варианты названия эпидемии (коронавирусная инфекция 2019-nCoV, COVID-19 и т.п.); более того, официальные лица ВОЗ предостерегали от выражения «китайский вирус», поскольку оно вольно или невольно может приводить к «расовому профилированию»². Несмотря на это, госсекретарь США Майк Помпео стал еще активнее использовать выражение «уханьский вирус», обвиняя руководство КНР в том, что оно подвергло мир риску, не раскрыв более подробной информации об источнике эпидемии. Вслед за этим и президент Трамп начинает активно использовать выражение «китайский вирус». Когда в конце марта 2020 г. министры иностранных дел G-7 собрались на видеоконференцию, они не смогли согласовать призыв М. Помпео идентифицировать новый коронавирус как «уханьский вирус»³. Европейские официальные лица ссылались при этом на упомянутое предостережение ВОЗ.

Высказывалось мнение, что Трамп стал активно использовать оскорбительное для Пекина выражение «China virus», когда ему сообщили, что чиновники Министерства иностранных дел КНР распространяют идею, будто COVID-19 был импортирован в Ухань военнослужащими США⁴. Действительно, соответствующее предположение высказал в Twitter спикер⁵ министерства иностранных дел Китая Чжао Лицзянь⁶. Но высказал он его со ссылкой на материалы (сейчас эта ссылка заблокирована администрацией Twitter), которые китайский чиновник квалифицировал как «дополнительные доказательства в пользу того, что вирус возник в США»⁷. Позднее китайские СМИ стали активно продвигать историю об утечке вируса из американской военной лаборатории. Но заметим, что для китайского правительства это был скорее прием защиты, чем нападения; таким образом оно реагировало на аналогичные агрессивные обвинения в свой адрес со стороны госсекретаря М. Помпео и консервативных американских медиа. Как заметил голландский писатель Ян Бурума, антикитайская риторика Трампа и его друзей-республиканцев, наполненная выражениями вроде «китайский (уханьский, китайский, чужеземный и т.п.) вирус», а также обвинениями в создании вируса в качестве биологического оружия, преследовала четкую политическую цель: «чтобы мы поверили, что эта

¹ Viala-Gaufrey, J. & Lindaman, D. (2020). Donald Trump's 'Chinese virus': The Politics of Naming. *The Conversation*. Retrieved from <https://theconversation.com/donald-trumps-chinese-virus-the-politics-of-naming-136796>

² Kopecki, D. (2020, March 18). WHO Officials Warn US President Trump against Calling Coronavirus 'the Chinese Virus'. *CNBC*. Retrieved from <https://www.cnn.com/2020/03/18/who-officials-warn-us-president-trump-against-calling-coronavirus-the-chinese-virus.html>

³ Pompeo, G-7 Foreign Ministers Spar over 'Wuhan Virus' (2020, March 25). *Politico*. Retrieved from <https://www.politico.com/news/2020/03/25/mike-pompeo-g7-coronavirus-149425>

⁴ Viala-Gaufrey, J. & Lindaman, D. (2020, April 21). Donald Trump's 'Chinese Virus': the politics of naming. *The Conversation*. Retrieved from <https://theconversation.com/donald-trumps-chinese-virus-the-politics-of-naming-136796>

⁵ Продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России.

⁶ Zhao Lijian (赵立坚)(@zlj517) (2020, March 12). *Twitter*. Retrieved from <https://twitter.com/zlj517/status/1238111898828066823>

⁷ Zhao Lijian (赵立坚)(@zlj517) (2020, March 13). *Twitter*. Retrieved from <https://twitter.com/zlj517/status/1238269193427906560>

болезнь похожа на иностранное вторжение»⁸. Такое обращение Трампа с темой пандемии вполне соответствовало карательному смыслу, который в современном политическом дискурсе нередко придается метафорике болезни. В этом случае болезнь понимается «не как наказание, а как признак зла, как что-то, что должно быть наказано» (Sontag, 1978).

В любом случае выражение «китайский вирус» представляет интерес, причем одновременно лингвистический и политический.

С ходу ответить на вопрос о том, является ли это выражение метафорой, вряд ли возможно. Его можно выдать за метонимию, если вслед за немецким лингвистом Клаусом-Ульрихом Пантером видеть суть отличия метафоры от метонимии в типе семиотического отношения между их сферой-источником и сферой-целью. Соответственно, метафора тогда — это иконическое отношение, а метонимия — отношение индексальное (Panther, 2006). Действительно, вирус, получивший позднее специальное название COVID-19, был впервые официально зафиксирован в китайском Ухане, но выражения «уханьский вирус» или (тем более) «китайский вирус» явно сложнее по содержанию, чем эта констатация. Действительно, хотя ученые нередко дают название новым вирусам по месту их происхождения («лихорадка Западного Нила», «вирус Эбола» и т.п.), в данном случае такое название оказывается метафорой из-за культурно-политического контекста. Сверх того, когда американский президент намеренно использовал выражение «китайский вирус», он игнорировал роль медийной среды как акселератора метафорического фрейминга в современном публичном дискурсе. Двусмысленный в устах официальных лиц, концепт «китайский вирус» отзывался на интернет-сайтах эхом откровенно ксенофобских и расистских хештегов в адрес КПК, всего китайского и даже азиатского. А конечным эффектом этого словоупотребления становились случаи физического нападения на лиц азиатской национальности в американских городах.

В связи с этим возникает потребность, во-первых, прояснить дискурсивный контекст, который придает термину «китайский вирус» и семантически родственным ему выражениям собственно метафорический смысл; и, во-вторых, идентифицировать мотивы политических акторов, которые стратегически задействуют эту метафору в публичном пространстве, разворачивая ее в серию нарративов.

Но для начала уточним методологический аспект этих вопросов.

Мифонарративное парафразирование как объект критического дискурса-анализа: методология данного исследования

В своем исследовании мы опирались на методологию критического дискурса-анализа (КДА). Для нас данный подход является критическим не столько потому, что он делает акцент на властных отношениях внутри дискурса и вокруг него, сколько из-за особого внимания к тем связям между дискурсом, идеологией и властью, которые могут быть неясными (непрозрачными) для тех, кто в них участвует (Fairclough, 1995). А это обязательно предполагает разоблачение «злоупотреблений социальной властью» (Дейк ван, 2013). Причем КДА делает это относительно властной асимметрии как внутри отдельного общества, так и в контексте международных отношений.

⁸ Buruma, I. (2020, March 28). Virus as Metaphor. *The New York Times*. Retrieved from <https://www.nytimes.com/2020/03/28/opinion/coronavirus-racism-covid.html>

В методологическом плане нам особенно интересен опыт использования КДА в ситуациях кризисов и катастроф. Австрийский социоллингвист Рихард Александер обозначил в этом плане перспективное направление исследований, когда в одной из своих работ проанализировал языковые средства (эвфемизмы и метафоры), при помощи которых такая ТНК, как «BP» (бывшая «British Petroleum»), пыталась минимизировать последствия взрыва буровой установки Deep Horizon в 2010 г. С опорой на работы Ноама Хомского Р. Александер подчеркивает, что в кризисных условиях критический дискурс-анализ не может ограничиваться лишь анализом властных стратегий внутри самого языка; он должен, сверх того, давать критическую *политико-экономическую* оценку действий ключевых акторов по «сокрытию и затемнению своих реальных операций и намерений» (Alexander, 2013). При этом учитывается, что важным проводником и акселератором влияния ТНК на политику выступают «эксперты» из медийной и академической сферы, которые так или иначе тоже оказываются «в бизнесе». И здесь весьма полезна установка «дискурсивно-исторического подхода», сфокусированного на «способах, с помощью которых лингвистические и другие семиотические практики опосредуют и воспроизводят идеологию в ряде социальных институтов» (Wodak, 2015). Это предполагает политологическую «демистификацию» текста, т.е., определение его явной либо скрытой политической (экономической) ангажированности. Для этого используются контекстуальные знания, причем это не только ситуативные условия возникновения текста, но и более широкий исторический и социально-политический контекст.

Естественной опорой этой критической работы с дискурсом выступает когнитивная теория метафоры, которая за тропами и фигурами речи видит метафорические концепты, формирующие в качестве мыслительных моделей (фреймов) наше понимание ситуаций. В медийных сообщениях концептуальные метафоры также играют роль коммуникативного фрейма, т.е., общих для данной аудитории смысловых рамок восприятия и оценки событий. Причем этот фрейм часто не высказывается и принимается как данность, хотя внутри себя подразумевает целый диапазон позиций, допуская определенную степень разногласий между теми, кто придерживается общих взглядов (Garnson & Modigliani, 1989). От метафорического фрейминга ситуаций непосредственно зависит, как люди мыслят и действуют в таких ситуациях, особенно в принципиально новых и проблемных для них случаях. Когнитивной базой такого ориентационного (манипулятивного) воздействия концептуальных метафор является их способность высвечивать одни свойства ценой затемнения других его свойств (Лакофф, Джонсон, 2004). Причем концептуальная метафора делает это не столько за счет эмоционально-суггестивного воздействия, сколько посредством метафорических рассуждений и выводов.

Критический потенциал когнитивной теории метафоры проявляется также в том, что метафорическое рассуждение представлено необязательно только метафорами как речевыми фигурами, но также другими тропами и терминами языка (Brugman, Burgers, Vis, 2019). В случае «китайского вируса» мы также имеем дело с метафорическим концептом, который выражается целым семейством отдельных либо нарративно связанных тропов и терминов, необязательно даже речевыми метафорами. В этом семействе термин «китайский вирус» является лишь одним из выражений наряду с другими («уханьский вирус», «чужеземный вирус» и т.п.). Но все эти выражения в той мере метафоричны, в какой они отражают семантику

метафорического вывода: коронавирусная пандемия — это порождение нехорошего (авторитарного, агрессивного, больного и т.д.) Китая. В свою очередь, эта метафора восходит к еще более глубокой концептуальной метафоре «государство — это личность», метафоре, которую Дж. Лакофф видит в основании современного понимания всех международных отношений (Lakoff, 1999). В американском дискурсе вокруг пандемии COVID-19 концептуальная метафора «Китай — это нехорошая личность» разворачивается в описание страны, где коммунистическая партия становится все более известной своей «ленинской жесткостью»⁹, а китайцы жертвуют своими правами и личными интересами под руководством КПК. При этом китайские власти якобы рассматривают жесткие противоэпидемические мероприятия «как политический вопрос управления и контроля над населением, а не охраны его здоровья» (Jacob, 2020).

Такое дискурсивное разворачивание метафорического концепта «китайский вирус» превращает его в «конденсирующий символ», выражающий в сжатом виде определенную историю (нарратив). Голландский философ Франклин Анкерсмит, обращая внимание на возможность (мифо-)нарративного парафразирования метафор (Анкерсмит, 2003), цитирует в этой связи американского философа Дональда Шёна, который видит генетическую связь между метафорой и нарративом именно при осмыслении сложных, непонятных ситуаций (наподобие нынешней пандемии). По словам Д. Шёна, «формулировка проблем очень часто зависит от метафор, лежащих в основании историй, в которых ставятся проблемы, а также задается направление их решения» (Schön, 1979). Дж. Лакофф показывает это на материале военно-пропагандистского дискурса США во время войны 1991 г. в Персидском заливе (Lakoff, 1999). Тогда это приняло вид конкретной политической технологии. Вначале была определена базовая метафора («Саддам Хусейн — это Гитлер сегодня») и продуманы различные версии ее нарративного парафразирования. Затем был проведен социологический опрос американцев с целью выяснить, какая версия нарратива для объяснения происходящего находит у них наибольший отклик. После этого имевшиеся в медийном обращении метафоры и прочие выразительные средства языка были приведены в соответствие с этим нарративом, а полученный дискурсивный пакет был усилен фальшивыми новостными историями (известными сегодня под именем «fake news»¹⁰, но имеющими солидную медийную предысторию).

Опыт пропагандистских войн показывает: когда концептуальные метафоры используются как элемент политической борьбы (соперничества) с конкретным оппонентом, они не просто навязывают какую-то позицию по предмету, но используются с целью вытеснения конкурирующих фреймов, причем участники пропагандистского дискурса могут даже использовать фреймы оппонентов против них самих (Скрынникова, 2017). Другими словами, в условиях пропагандистского противостояния разворачивается не только «война метафор» (Аматов, Бондаренко,

⁹ Hass, R. (2021, March 3). China Is Not Ten Feet Tall. How Alarmism Undermines American Strategy. *Foreign Affairs*. Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2021-03-03/china-not-ten-feet-tall>

¹⁰ Под ними мы будем понимать, вслед за удачной дефиницией Христиана Фукса, «фактически ложные новости, которые распространяются в Интернете, преимущественно в социальных сетях, не соответствуют профессиональным журналистским нормам и пытаются систематически и преднамеренно вводить в заблуждение и дезинформировать». См.: (Fuchs, 2020).

Пупынина, 2019), но и «война нарративов»¹¹. Так, вокруг метафорического концепта «китайский вирус» выстраивается широкое семантическое поле, куда помимо отдельных речевых метафор и других тропов входят также их нарративные версии. Условно в этом поле можно выделить динамический момент свежих медийных нарративов и момент более стабильный, составленный из повествований, уже ставших частью культурно-исторической традиции. При этом запускаемые пропагандистами новые истории могут содержать аллюзии на уже известные нарративы, что существенно усиливает эффект идеологического воздействия.

Остановимся подробнее на двух контекстуальных моментах концепта «китайский вирус»: во-первых, на метафорах, составляющих его культурно-исторический фон; во-вторых, на историях, которые разворачивают смысл этой метафоры в актуальном медиапространстве. В качестве медийного материала нами были в основном использованы публикации на тему COVID-19 в западных правоконсервативных и бульварных изданиях, вовлеченных в пропагандистскую «войну нарративов» с КНР.

«Китайский вирус» в культурно-историческом контексте западной синофобии

Когда в феврале 2020 г., в рамках поднимавшейся дискуссии о причинах новой коронавирусной эпидемии газета «Wall Street Journal» опубликовала статью профессора Уолтера Р. Мида под названием «Китай — это настоящий больной человек Азии», правительство КНР выслало из страны трех репортеров этого американского издания. Статья была отмечена чистосердечной враждебностью в адрес Китая: в ней, в частности, выражалась надежда, что вспыхнувшая в Ухане эпидемия поставит под вопрос фундаментальную легитимность власти КПК, а вместе с этим разрушит весь политический строй КНР и резко ослабит Поднебесную. Надежда эта дополнялась откровенным признанием: «некоторые ожидали бы возвращения однополярности, если бы единственный возможный великодержавный соперник США вышел из игры»¹². Хотя эти циничные сентенции были крайне неприятны Пекину, вряд ли они стали главной причиной его резкой реакции. Вероятно, не был такой причиной и статус американского издания: хотя «Wall Street Journal» считается солидной деловой газетой, ее влияние локализовано в консервативной части политического спектра. К тому же, «Wall Street Journal» известна своей поддержкой «альтернативных фактов»: в ней публиковались статьи, где «доказывалось», что заключённых в лагере Гуантанамо содержат справедливо, разрушение озонового слоя не наносит вред здоровью, а глобального потепления вообще не существует. Представляется, однако, что главным раздражителем в упомянутой статье стала метафора в ее заголовке: «больной человек Азии». И чтобы понять, почему реакция китайских властей на это выражение была столь резкой, надо иметь в виду его культурно-исторический фон.

Гонконгский эксперт Роберт Пекхэм, исследующий гуманитарные аспекты пандемий, кратко освещает в своей содержательной статье историческую предысторию

¹¹ Khan, A. (2019, February 11). The War of Narratives. More Initiatives China Announces, More Heat the United States and the Western World Feels. *The News International*. Retrieved from <https://www.thenews.com.pk/latest/430751-the-war-of-narratives>

¹² Mead, W. R. (2020, February 2). China is the Real Sick Man of Asia. *Wall Street Journal*. Retrieved from <https://www.wsj.com/articles/china-is-the-real-sick-man-of-asia-11580773677>

метафорического концепта «больной азиат»¹³. Хотя этот концепт был недавно актуализирован на Западе, возник он в самом Китае еще на рубеже XIX и XX столетий. Эпидемия бубонной чумы, начавшаяся в Шанхае и стоившая Китаю 15 миллионов жизней между 1894 и 1950 гг.; поражение страны в китайско-японской войне; серия неравных договоров Китая с иностранными державами, превративших некогда великую страну в полуколонию Запада — все это и многое другое давало веские основания таким ведущим представителям китайской интеллигенции, как Янь Фу, Цзэн Пу, Лян Цичао, Сунь Ятсен и др., описывать тогдашний Китай метафорами «больной человек» [病夫], «больной человек Восточной Азии» [亞病夫] и т.п. Но для китайских интеллектуалов эта метафора была призывом к революционным реформам, тогда как позднее в западном дискурсе она стала презрительно-расистским ярлыком. Причем не только в отношении китайцев; в 2000-е гг. «больным человеком Азии» называли Японию за ее нежелание играть роль ключевого игрока международной политики на фоне растущих амбиций Китая¹⁴, а также Россию — за ее неспособность в перспективе сохранить за собой принадлежащие ей территории на Дальнем Востоке (Menon, 2003).

Но дело не только в оскорбительном для нынешнего самосознания китайцев выражении «больной человек Азии»; куда важнее семантическое поле вокруг этой метафоры, которое мультиплицирует этот оскорбительный эффект. Среди работ, напрямую относящихся к исследованию данного поля, следует прежде всего указать на глубокие (и в некотором смысле пророческие) статьи Кристофа Линтериса. Британский антрополог попал в точку, основывая свое исследование синофобского дискурса на анализе южно-китайского рынка живой продукции в качестве символического конденсатора нарративов в западном неприятии Китая как «источника заразы». Данные статьи, опубликованные накануне пандемии COVID-19, рассматривают публичный дискурс (в особенности символический и метафорический) вокруг эпидемий в историческом и политическом контекстах. Это позволяет понять неочевидные смыслы войны нарративов между Китаем и США в период актуальной пандемии нового коронавируса.

Прямой предшественницей трамповского «китайского вируса» является метафора «желтой опасности» (Yellow Peril), получившая распространение на Западе к концу XIX в., вместе с ростом европейского империализма и расизма. По словам американского эксперта Денниса Чжана, эта метафора означала «экономические, культурные, ассимиляционные, расовые, биологические и медицинские претензии к китайцам» (Zhang, 2021). Последние становятся в глазах американских синофобов источником всех болезней и козлами отпущения во время эпидемий. Данная цветовая метафора носила именно расистский, а не националистический характер: она представляла не только китайцев, но все народы Восточной Азии как экзистенциальную угрозу для западного мира и «белого человека» (Odijie, 2018).

Когда в марте 1894 г. в Гонконге случилась вспышка бубонной чумы, вызвавшая на Западе панический страх перед риском возвращения средневековой «черной смерти», американская синофобская пресса называла эту чуму «азиатской». Гонконг

¹³ Peckham, R. (2020, March 27). Past Pandemics Exposed China's Weaknesses. The Current One Highlights Its Strengths. *Foreign Affairs*. Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-27/past-pandemics-exposed-chinas-weaknesses>

¹⁴ Auslin, M. (2009, April 3). The Sick Man of Asia. *Foreign Policy*. Retrieved from <https://foreignpolicy.com/2009/04/03/the-sick-man-of-asia/>

сыграл тогда роль нынешнего Уханя: он стал символом пандемической «мифической предыстории», связавшей бубонную чуму с упадком империи Цин (Lynteris, 2018). Возникший отсюда уничижительный термин «китайская болезнь», семантически близкий «китайскому вирусу», стал медийно растиражированной метафорой уже в XIX в. Смысл этой метафоры отнюдь не ограничивался бытовыми претензиями к китайцам и «чайна-таунам»; предполагалось, что болезни способствовала сама устаревшая, ориентированная на предков и сплошь фаталистическая культура китайцев, а не только их гигиеническая и/или медицинская практика (Zhang, 2021).

К. Линтерис и Д. Чжан обращают внимание на «принципиального отличия» современной западной синофобии от ее классических образцов конца XIX — начала XX в. Если тогда китайцы патологизировались Западом как носители архаической и «дегенеративной» культуры, то синофобское воображение XXI века переосмысливает КНР как опасного «чемпиона» современности, оседлавшего научный прогресс. К. Линтерис пронизательно замечает накануне пандемии COVID-19, что массовое дисциплинированное ношение масок в Китае и ряде других азиатских стран породило на Западе пугающий образ «замаскированного китайца» как символа наступающего будущего, где приоритетными могут стать типичные для Азии ценности коллективного выживания, а не западные индивидуальные свободы.

Таким образом, является ли китаец «больным азиатом» либо, напротив, азиатом здоровым и сильным, это ничего не меняет в том, что для расистски настроенной публики он остается «желтой опасностью». В этом состоит относительность различия между классическими и современными формами синофобии, на котором настаивают упомянутые авторы.

Версии мифонаратива о «китайском вирусе»

Свертывание нарратива в метафору или, наоборот, нарративное парафразирование метафоры не исключает, а предполагает множество версий, чему способствует мифологический статус рассказа, не связанный жестко аргументами и фактами. В приведенном ранее примере из эпохи войны в Персидском заливе базовая метафора американской пропаганды предполагала различные версии своей нарративной развертки, из которых надо было еще выбрать оптимальный вариант. Аналогичным образом метафорический концепт «китайский вирус» разворачивается в различные версии истории о происхождении нового коронавируса и начале эпидемии. Таких версий в дискурсе о COVID-19 имеется как минимум три.

Первая. Китай в силу своих странных (отсталых, варварских) культурно-бытовых особенностей стал местом стихийного возникновения опасного вируса, ставшего угрозой для экономического здоровья самого Китая и всего мира, поскольку действия властей были в начале эпидемии неэффективными из-за авторитарного режима КПК.

Вторая. Китай создал коронавирус в своей военной лаборатории, но он вышел из-под контроля и стал глобальной угрозой, поскольку действия китайских властей были неэффективными из-за авторитаризма КПК.

Третья. Китай не просто создал коронавирус как биологическое оружие, но сознательно распространил его по миру с целью ослабить своих политических и экономических конкурентов, тогда как успешная борьба с вирусом в самом Китае говорит в пользу того, что создатели вируса знают, с чем имеют дело.

Хотя из всех этих версий третья кажется наиболее фантастической и политизированной, на Западе она представлена не только в блогосфере, но также в эфире солидных новостных каналов и даже в академическом дискурсе. Примером здесь может служить деятельность гонконгского вирусолога Ли-Мень Ян (Li-Meng Yan), ныне живущей в США и сотрудничающей с бывшим ультраконсервативным стратегом Трампа Стивом Бэнноном. В сентябре 2020 г. Ли-Мень, выступая в эфире протрамповского телеканала «Fox News», заявила, что коммунистическая партия Китая намеренно выпустила в мир искусственный вирус¹⁵. Затем этот тезис был развернут в публикации, оформленной в виде научной статьи. В ней утверждалось, что любой ученый, подписавшийся под теорией естественного происхождения COVID-19, либо был введен в заблуждение научным мошенничеством, либо вступил в сговор с правительством КНР¹⁶.

Известный немецкий социолог Кристан Фукс приводит в своей статье, посвященной повседневному дискурсу в эпоху коронавирусной пандемии, выдержки из высказываний американца Раша Лимбо, который вплоть до своей смерти был модератором правоконсервативного по духу «The Rush Limbaugh Show», весьма популярного в США. В своих высказываниях Лимбо ухитрился выдать в одном флаконе все консервативные предрассудки относительно COVID-19. Назвав вирус «обычной простудой», он тут же высказал предположение, что это — «лабораторный эксперимент "чайкомов" (ChiCom — пейоративная аббревиатура для «китайский коммунист»), который в виде биологического оружия, несущего множество смертей, нацелен на ослабление политической позиции Трампа (Fuchs, 2020). Это сочетание откровенного алогизма и синофобской паранойи транслировалось не только самим «The Rush Limbaugh Show» с его многомиллионной аудиторией, но вдобавок мультиплицировалось другими медиаканалами США, в частности, правоконсервативным пропагандистским сайтом «Breitbart»¹⁷. При этом игнорировались серьезные работы не только китайских, но также европейских и американских ученых¹⁸, предостерегавших от превращения экзотических теорий, замешанных на дешевой конспирологии, в стратегию государственной политики¹⁹. Но политико-экономические резоны перевешивают все эти аргументы и факты,

¹⁵ Woodward, A. A. (2020, October 10). Chinese Virologist Continues to Claim the Coronavirus Was Engineered as a 'Bioweapon' and then Released. The groups she works for were once led by Steve Bannon. *Insider Inc.* Retrieved from <https://www.businessinsider.com/scientists-steve-bannon-coronavirus-engineered-chinese-bioweapon-2020-10>

¹⁶ Yan Li-Meng, Kang Shu, Hu Shanchang (2020, October 8). SARS-CoV-2 is an Unrestricted Bioweapon: a Truth Revealed through Uncovering a Large-Scale, Organized Scientific Fraud. *Zenodo*. Retrieved from <https://zenodo.org/record/4073131#.YQkrGigmxdh%20%2F>

¹⁷ Key, P. (2020). Limbaugh: Coronavirus Being 'Weaponized' to Bring Down Trump. *Breitbart*. Retrieved from <https://www.breitbart.com/clips/2020/02/24/limbaugh-coronavirus-being-weaponized-to-bring-down-trump/>

¹⁸ Анджела Л. Расмуссен, сотрудник «Центра науки и безопасности глобального здравоохранения» из Джорджтаунского университета (Вашингтон), с прискорбием констатирует, что серьезным экспертам-вирусологам остается лишь сетовать на то, что публикация их работ мало помогает подавить «откровенно нелепые теории заговора, которые распространялись быстрее, чем сам вирус: SARS-CoV-2 был результатом лабораторной аварии или был преднамеренно разработан, и это было скрыто, чтобы скрыть либо эффективную некомпетентность, либо сложный международный заговор с участием Билла Гейтса, Китайской Коммунистической партии и инфраструктуры беспроводной сети 5G с конечной целью возвестить новый мировой порядок». См.: (Rasmussen, 2021).

¹⁹ Grimes, D. R. (2021, June 13). Though it is Newly Respectable, the Wuhan Lab Theory Remains Fanciful. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jun/13/newly-respectable-wuhan-lab-theory-remains-fanciful>

продолжая серийно продуцировать в режиме постправды синофобские истории о «китайском вирусе».

Из трех упомянутых версий мифонаратива о «китайском вирусе» наиболее востребованной для администрации Трампа оказалась вторая. Ее М. Помпео четко высказал уже весной 2020 г. При полном равнодушии к фактам он безапелляционно заявил: «Это не первый случай, когда мир подвергается воздействию вирусов в результате сбоев в китайской лаборатории. ...Они выгнали журналистов и заставили молчать медицинских работников, пытавшихся сообщить об этом... Так делают авторитарные режимы... Так действуют коммунистические партии... Это классическая попытка коммунистической дезинформации»²⁰. Данная версия событий была впоследствии многократно проговорена в американских и западных медиа и продолжает муссироваться там до сих пор. В августе 2021 г. очередным разоблачителем «злой воли КПК» выступил член комитета по иностранным делам Палаты представителей США республиканец Майкл Маккол, опубликовав доклад с тезисом о происхождении COVID-19 в китайской лаборатории. Примечательно, что американский политик, признавая отсутствие у него неопровержимых доказательств в пользу этого тезиса, тем не менее призывает парламент США «дать законодательный ответ на действия Китая», ввести санкции против всех его граждан, «виновных» в начале пандемии, и даже потребовать от КНР возместить миру материальный ущерб. Но любопытно здесь еще одно признание американского конгрессмена: «ученые и сотрудники спецслужб все чаще объединяются вокруг теории о том, что вероятным эпицентром вспышки пандемии была уханьская лаборатория»²¹.

Заметим, что и вторая, и третья версии истории о «китайском вирусе» отвечают «сказке о справедливой войне» в двух ее версиях, отмеченных Дж. Лакоффом в пропагандистском дискурсе упомянутой войны в Заливе (Lakoff, 1999). По словам американского ученого, актерский состав персонажей выглядит в этой сказке так: Злодей, Жертва и Герой. Если Жертва и Герой — одно и то же лицо, тогда имеется повествование о самообороне. В противном случае — нарратив о спасении. Обе версии задействовались США в пропагандистской войне с Китаем в период пандемии COVID-19, но в разное время и с разными акцентами: и Трамп, и Байден активизировали то сказку (миф) о самообороне, то миф о спасении. Отчасти выбор варианта мифа зависел от акцента в концептуализации Врага: у Трампа это был то «китайский вирус», то «невидимый враг». В первом случае Враг прочитывался как «вирус made in China», и тогда президент позиционировал себя как Спаситель нации и мира от «злого и коварного Китая». В других ситуациях Трамп говорил о «невидимом враге», и тогда американская нация (как и весь мир) концептуализировались как его жертвы. Соответственно, себя Трамп подавал в духе мифа о героической самообороне. Байден позже тоже продвигал обе версии сказки (мифа) о спасении. Мы предпочитаем в данном случае говорить именно о мифе, а не сказке, поскольку эти пропагандистские нарративы претендуют на истинность. Но как раз из-за этой претензии данным историям очень нужна поддержка со стороны «fake news».

²⁰ Kerr, A. (2020, May 4). Mike Pompeo Says There's 'Enormous Evidence' That Coronavirus Came from Wuhan Lab. *The Daily Signal*. Retrieved from <https://www.dailysignal.com/2020/05/04/mike-pompeo-says-theres-enormous-evidence-that-coronavirus-came-from-wuhan-lab/>

²¹ Kelly, L. (2021, August 2). GOP Report on COVID-19 Origins Homes in on Lab Leak Theory. *The Hill*. Retrieved from <https://thehill.com/policy/international/565851-gop-report-on-covid-19-origins-homes-in-on-lab-leak-theory>

Фальшивые новости на службе нарратива о «китайском вирусе»

Маркером фальшивости новостных историй, подкрепляющих актуальную версию мифонарратива, является то, что их производством и распространением занимаются не инвентивные журналисты, а представители спецслужб, использующие для прикрытия авторитет науки, а в качестве информационного канала — таблоиды с их этикой и поэтикой «постправды». В этом смысле союз науки и спецслужб, на который ссылается упомянутый конгрессмен Маккол, есть отнюдь не отдельный эпизод, но закономерный момент «войны нарративов» в эпоху COVID-19.

История о лабораторном происхождении «китайского вируса» появилась в американских медиа подозрительно рано — уже в январе 2020 г.²² Примечательно, что корреспондент «The Washington Times», высказавший в своей статье соответствующее предположение, ссылается на бывшего офицера израильской военной разведки. И тот «подтверждает», что Уханьский институт вирусологии связан с секретной программой Пекина по производству биологического оружия. Уже летом 2020 г. в масс-медиа распространяется мнение экс-главы британской MI6 Ричарда Дирлава о том, что COVID-19 был изготовлен в китайской лаборатории, поэтому Китай должен выплатить «репарации» остальному миру²³. При этом Дирлав цитировал «важный доклад» двух вирусологов — британца Ангуса Далглиша и норвежца Биргера Сёренсена, в котором утверждалось, что COVID-19 якобы имеет искусственное происхождение. Заметим, однако, что перед нами не просто ученые: «профессор Далглиш» является активным и медийно известным членом «Партии независимости Великобритании», борющейся за «Брексит». Эта партия открыто сотрудничала со С. Бэнноном, организовавшим в Европе движение правоконсервативных евроскептиков²⁴. У «доктора Сёренсена» помимо науки был тогда к «уханьскому вирусу» и прямой коммерческий интерес: доктор возглавлял фармацевтическую компанию «ImmunoG», работавшую над вакциной от нового коронавируса.

Через год (в конце мая 2021 г.) британский таблоид «Daily Mail» (заметим, что в русскоязычной блогосфере 2000-х гг. это издание стало основой для мема «британские ученые», подразумевающего сомнительные до абсурдности сообщения о научных «открытиях») опять вспоминает о докладе «двух ученых», подавая это публике как сногшибательную сенсацию: Далглиш и Сёренсен якобы обнаружили «уникальные отпечатки пальцев» в образцах COVID-19, которые, по их словам, могли возникнуть только в результате манипуляций в лаборатории, причем, конечно, только «китайской». При этом китайцы якобы действовали с дьявольской хитростью: создав смертоносный вирус, они затем попытались замести следы с помощью «ретро-инженерии», чтобы создать впечатление, что вирус естественным образом возник у летучих мышей²⁵.

²² Gertz, B. (2020, January 26). Coronavirus may Have Originated in Lab Linked to China's Biowarfare Program. *Washington Times*. Retrieved from <https://www.washingtontimes.com/news/2020/jan/26/coronavirus-link-to-china-biowarfare-program-poss/>

²³ Tanno, S. (2020, June 4). Ex-head of MI6 Sir Richard Dearlove Says Coronavirus 'is Man-made' and Was 'Released by Accident' – after Seeing 'Important' Scientific Report. *Daily Mail*. Retrieved from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8386235/Coronavirus-man-says-ex-head-MI6-Sir-Richard-Dearlove.html>

²⁴ Gray, R. (2018, July 13). Steve Bannon's British Sideshow. *The Atlantic*. Retrieved from <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2018/07/bannon-london-trump/565118/>

²⁵ Boswell, J. (2021, May 28). EXCLUSIVE: COVID-19 'has NO Credible Natural Ancestor' and WAS Created by Chinese Scientists Who Then Tried to Cover Their Tracks with 'Retro-engineering' to Make it Seem like it Naturally Arose from Bats, Explosive New Study Claims. *Daily Mail*. Retrieved from <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9629563/Chinese-scientists-created-COVID-19-lab-tried-cover-tracks-new-study-claims.html>

В начале июня 2021 г. появляется еще одна громкая публикация в «Wall Street Journal» (быстро растиражированная потом в таблоидах по всему миру) двух американцев — доктора Стивена Кея, генерального директора биофармацевтической компании «Atossa Therapeutics Inc.», и Ричарда Мюллера, профессора физики Калифорнийского университета в Беркли. В их статье также утверждается, что новый коронавирус был изготовлен в китайской лаборатории²⁶. Но, как и в случае упомянутых европейских ученых, американские авторы суть тоже больше чем ученые. Коммерческий интерес С. Кея очевиден, как очевидна и политическая ангажированность Р. А. Мюллера, который является членом «The JASON Defense Advisory Group» — организации, консультирующей американское правительство по вопросам науки и техники, в основном деликатного характера. Спонсорами этой организации выступают Министерство обороны, Министерство энергетики и разведывательное сообщество США.

Наконец, в середине июня 2021 г. в британском таблоиде «The Daily Beast» под рубрикой «RUMOR HAS IT» появилось явно фальшивое сообщение о том, что какой-то высокопоставленный китайский чиновник перебежал в США вместе с конфиденциальной информацией о происхождении COVID-19²⁷. При этом репортер издания ссылается на первичные источники этих сведений: информбюллетень «Intelligence Online» и издание «SpyTalk». Заметим: «Intelligence Online» ежедневно публикует эксклюзивную информацию из мира разведки, а «SpyTalk» специализируется на утечках из мира секретных служб.

После смены главы Белого дома включенность американских спецслужб в дискурс вокруг COVID-19 отнюдь не прекратилась. Напротив, новый американский президент дал поручение разведке удвоить усилия с целью изучения всех имеющихся данных о происхождении нового коронавируса, поскольку «остаются вопросы к Китаю». Это значит, что концептуальная метафора «китайский вирус» не ушла из официального дискурса США вместе с Трампом; из соображений политкорректности она лишь утратила свое внешнее речевое оформление, зато осталась в развернутой нарративной форме как руководство к действию. На сегодняшний день ясности в вопросе о происхождении вируса нет даже на уровне «National Intelligence»²⁸. Но это не мешает тому, что время от времени китайская и американская стороны, следуя принципу *a la guerre comme a la guerre*, запускают в мир очередные истории о COVID-19 как биологическом оружии противника. Так, в сентябре 2021 г. почти одновременно в медиапространство были вброшены два соперничающих друг с другом нарратива. Британская «The Telegraph» сообщила читателям, что вирусологи из Уханя еще в 2018 г. планировали заразить коронавирусом популяцию летучих мышей, чтобы таким образом привить их от заболеваний, потенциально опасных для людей²⁹.

²⁶ Quay, S. & Muller, R. (2021, June 6). The Science Suggests a Wuhan Lab Leak. *The Wall Street Journal*. Retrieved from <https://www.wsj.com/articles/the-science-suggests-a-wuhan-lab-leak-11622995184>

²⁷ Stein, J., & Brazil, M. (2021, June 17). Rumors of U.S. Secretly Harboring Top China Official Swirl. *The Daily Beast*. Retrieved from <https://www.thedailybeast.com/rumors-of-us-secretly-harboring-top-china-official-dong-jingwei-swirl?ref=scroll>

²⁸ Nakashima, E., Abutaleb, Y., Achenbach, J. (2021, August 24). Biden Receives Inconclusive Intelligence Report on Covid Origins. *Washington Post*. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/08/24/covid-origins-biden-intelligence-review/>

²⁹ Knapton, S. (2021, September 21). Wuhan Scientists Planned to Release Coronavirus Particles into Cave Bats, Leaked Papers Reveal. *The Telegraph*. Retrieved from <https://www.telegraph.co.uk/news/2021/09/21/wuhan-scientists-planned-releaseskin-penetrating-nanoparticles/>

А публикация китайских вирусологов на платформе ChinaXiv, принадлежащей Академии наук КНР, содержала предположение, что вспышка нового коронавируса могла начаться в США еще в сентябре 2019 г., что на пять месяцев раньше официальных данных американской стороны³⁰.

Примеры можно приводить до бесконечности, но главное уже заметно: в нарративно-метафорическом фрейминге COVID-19 видны явные признаки коммуникативного содружества нескольких социальных акторов. Их объединяет комплекс общих интересов вокруг материальных ресурсов, власти и влияния, связанных с пандемией. Помимо «говорящих голов» профессиональных политиков и научных экспертов, а также медиаресурсов, предоставляющих им публичную сцену, в этот комплекс входят интересы тех, кто «любит тишину»: бизнеса, заинтересованного в коммерческом освоении пандемии, и представителей спецслужб.

Как на эти «fake news» от западных СМИ отвечает китайское информационное пространство? Действия китайских пропагандистов чем-то напоминают стратегии восточных единоборств: они обращают в слабость силу противника, используя в свою пользу плюрализм западного политического и академического мнения. Так, в июле 2021 года представитель министерства иностранных дел Китая, выступая на брифинге для прессы, призвал провести тщательное расследование в американской лаборатории Форт-Детрик, где в течение многих десятилетий проводились секретные исследования со смертоносными патогенами. Одновременно «Жэньминь жибао» высказывает подозрения в адрес американской лаборатории³¹, укрепляя их символической ссылкой на силы, исторически враждебные Китаю: в Форт-Детрике якобы хранятся «материалы бактериологической войны немецких фашистов и японского “Отряда 731”, а «по времени вспышка нового типа коронавируса в США произошла на месяц раньше, чем в Китае»³². Затем эти обвинения в адрес Форт-Детрик со ссылкой на китайские источники озвучиваются в самих США, причем автор соответствующей публикации замечает: «с помощью этого маневра в изменении нарратива Китай пролил свет на малоизвестную, но исключительно важную биокрепость Америки»³³. Сразу после этого китайское государственное информагентство «China News» публикует материал под характерным названием «Американские СМИ раскрывают “американские вирусные секреты”: чем занимался Форт-Детрик?»³⁴, тем самым «легитимируя» нарратив уже как часть глобального, а не только китайского медиапространства.

Помимо истории об «американском вирусе», китайская сторона широко использует метафору «политического вируса» [政治病毒]. Ее преимущество перед неполиткорректным «американским вирусом» состоит в том, что для мифа о «китайском

³⁰ Zhouwang, Yang, Yunhe, Hu, Zhiwei, Ding, Tiande, Guo (2021, September 22). Dating the First Case of COVID-19 Epidemic from a Probabilistic Perspective. *ChinaXiv*. Retrieved from <http://www.chinaxiv.org/abs/202109.00058>

³¹ Что скрывают США в лаборатории на базе Форт-Детрик? (2021, July 22). *People's Daily Russian*. Режим доступа <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0722/c95181-9875557.html>

³² Почему США закрыли лабораторию на базе Форт-Детрик? (2021, 29 июля). *People's Daily*. Режим доступа <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0729/c95181-9878225.html>

³³ Kinzer, S. (2021, July 30). America Has its Own Virus Secrets. *Contributor*. Retrieved from <https://www.bostonglobe.com/2021/07/30/opinion/america-has-its-own-virus-secrets/>

³⁴ Мэй мэй цзечи «мэйго бинду мими»: дэ тэ ли кэ бао доу гань лэ шимо? [美媒揭秘 “美国病毒秘密”: 德特里克堡都干了什么?] (Американские СМИ раскрывают «американские вирусные секреты»: что сделал Форт-Детрик?) (2021, August 4) *China News*. Retrieved from <http://www.chinanews.com/gj/2021/08-04/9536245.shtml>

вирусе» она предлагает альтернативный, а не просто контрарный нарратив. И эта история освещает именно те аспекты происходящего, которые намеренно затемняются мифом о «китайском вирусе». При этом синофобским выражениям вроде «больной человек Азии» китайская сторона противопоставляет метафоры, подчеркивающие высокий мобилизационный потенциал государственного строя Китая, преимущества его коллективистских ценностей: «война без порохового дыма» [场没有硝烟的战争], «вся страна — одна шахматная доска» [全国一盘棋] и т.п. Базовым концептам западного политического дискурса («государство — это личность»; «мировое сообщество — это группа лиц») китайцы противопоставляют метафору государства как большой семьи [大家庭], а также метафорический концепт «сообщества единой судьбы человечества» [人类命运共同体].

За всеми этими метафорами стоят совершенно определенные нарративы, и самый главный из них — история о том, что успешная борьба с новым коронавирусом в очередной раз доказала преимущества социализма с китайской спецификой. Этот нарратив составляет прямую конкуренцию мифу, продвигаемому западными медиа с началом пандемии: COVID-19 есть очередное свидетельство несостоятельности китайского авторитаризма. Одновременно официальный дискурс КНР реализует через такие метафорические концепты, как «закон джунглей» и т.п., рассказ о моральной ущербности (социал-дарвинистском характере) западных «демократических» стратегий борьбы с эпидемией (Лэй Шу, 2020). Тем самым очевидно, что война метафор и на стороне КНР есть одновременно война нарративов. И по обе стороны этого дискурсивного фронта метафоры и мифонаративы задействуются стратегически как боевое дискурсивное оружие.

Заключительные замечания

Как отмечалось ранее, в западных медиа вокруг метафорического концепта «китайский вирус» создается семантическое поле, в которое помимо отдельных метафор, свежих и стереотипных, речевых и визуальных, включены различные версии мифонаратива о «китайском вирусе». Все это поляризовано в контексте пропагандистской войны нарративов. Эта война предполагает игру различных уровней и форм выражения концептуальных метафор, которая не всегда видна невооруженным глазом. Ведь, когда эти метафоры развернуты в нарратив и подкреплены фальшивыми новостями, они для массовой аудитории уже не очевидны в своем чистом виде. И это одно из условий их идеологического успеха. То, что со стороны кажется лишь беспорядочным набором метких словечек и забавных историй, на самом деле формирует определенные идеологические установки. Причем для массовой аудитории семантическое поле войны нарративов не уступает по своей убедительности теоретическим формам пропаганды. Политическая наука, делая предметом специального анализа такие семантические поля, выясняет, какие политические акторы и интересы стоят за производством и распространением структурно связанных нарративов в рамках «ковидного» дискурса. А это не столько отдельные журналисты и граждане, сколько дискурсивно-политический комплекс, составленный как минимум из пяти сращенных (по своим интересам) социальных фигур: профессиональных политиков, представителей медиа, политически либо материально ангажированных ученых, специальных служб и бизнеса (в нашем случае — прежде всего фармацевтических компаний).

Нарративно развернутые метафоры вроде «китайского вируса» не только оскорбительны своей ксенофобией, но и обнаруживают идеологический архаизм западно-центризма в условиях, когда особенно необходим трезвый взгляд на пандемию как глобальную угрозу. Пандемия COVID-19 показала, что вопреки смыслам, внушаемым концептом «китайский вирус», в успешном преодолении нынешних и грядущих кризисов главным является не столько различие (часто мнимое) между «западной демократией» и «восточным авторитаризмом», сколько дееспособные государства, базовые ресурсы, широкий социальный консенсус и компетентные лидеры, внушающие доверие. А еще необходима реальная политическая солидарность, которая выходит за рамки концепта международного сообщества, метафорически представленного как простая группа лиц-государств. Такая метафора создает уютную картинку мировой политики, где всё может быть под контролем, если только сумеет договориться на основе баланса интересов (причем интересов, понятых опять же по метафорической модели интересов отдельного лица). Но пандемия COVID-19 показывает как раз ограниченность такой мыслительной модели. Замена государства на цивилизацию или культуру не меняет принципиальной узости структурной аналогии между отдельным человеком и какой-либо социальной общностью. Реальный мировой процесс — это слишком сложная материя, чтобы адекватно осмысливать ее лишь на основе этих старых метафор и нарративов, несмотря их богатое когнитивное прошлое. Для практического понимания драматично меняющейся картины мировой политики нужны свежие метафоры и новые рассказы. Их во многом еще предстоит изобрести, но уже сегодня очевидно, что концепт «сообщества единой судьбы человечества» здесь подходит лучше, чем лозунг «America first!».

Библиографический список

- Анкерсмит, Ф. (2003). *Нарративная логика: Семантический анализ языка историков*. М.: Идея-Пресс.
- Аматов, А. М., Бондаренко, Е. В., Пупынина, Е. В. (2019). Американский политический дискурс: метафоры войны и война метафор. *Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки*, 38(1), 5–12.
- Дейк Т., ван (2013). *Дискурс и власть: репрезентации доминирования в языке и коммуникации*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Лакофф, Дж., Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем*. Москва: Едиториал УРСС.
- Скрынникова, И. В. (2017). Метафорический фрейминг политических событий: как формируются убеждения? В *Всероссийская конференция по когнитивной науке КИСЭ-2017* (с. 267–277). Казань: Изд-во КФУ.
- Alexander, R. J. (2013). Shaping and Misrepresenting Public Perceptions of Ecological Catastrophes: the BP Gulf Oil Spill. *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*, 7, 1–18.
- Brugman, B. C., Burgers, C., Vis, B. (2019). Metaphorical Framing in Political Discourse through Words vs. Concepts: A Meta-Analysis. *Language and Cognition*, 11(1), 41–65.
- Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis: Papers in the Critical Study of Language*. New York: Longman.
- Fuchs, C. (2020). Everyday Life and Everyday Communication in Coronavirus Capitalism. *TripleC*, 18(1), 375–399.
- Gamson, W.A., Modigliani, A. (1989). Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach. *American Journal of Sociology*, 95(1), 1–37.

- Jacob, J. T. (2020). 'To Tell China's Story Well': China's International Messaging during the COVID-19 Pandemic. *China Report*, 56(3), 374–392.
- Lakoff, G. (1999). *Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters*. Berkeley: The University of California at Berkeley and The Rockridge Institute.
- Lynteris, C. (2018). Plague Masks: The Visual Emergence of Anti-Epidemic Personal Protection Equipment. *Medical Anthropology Journal*, 37(6), 442–457.
- Lynteris, C. (2018). Yellow Peril Epidemics: The Political Ontology of Degeneration and Emergence. In F. Bille, S. Urbansky (Eds) *Yellow Perils: China Narratives in the Contemporary World* (pp. 34–53). Honolulu: University of Hawaii Press.
- Menon, R. (2003). The Sick Man of Asia: Russia's Endangered Far East. *The National Interest*, 73, 93–105.
- Odiije, M. (2018). The Fear of 'Yellow Peril' and the Emergence of European Federalist Movement. *The International History Review*, 40(2), 358–375.
- Panther, K. — U. (2006). Metonymy as a Usage Event. In G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven, F. J. R. de Mendoza Ibáñez (Eds) *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives* (pp. 147–186). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Rasmussen, A. L. (2021). On the Origins of SARS-CoV-2. *Nature Medicine*, 27(9), 8–9.
- Schön, D. A. (1979). Generative Metaphor: A Perspective on Problem-setting in Social Policy. In A. Ortony (Ed.) *Metaphor and Thought* (pp. 254–283). Cambridge: Cambridge University Press.
- Sontag, S. (1978). *Illness as Metaphor*. New York: Farrar, Straus and Giroux,
- Wodak, R. (2015). Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach. In K. Tracy, C. Ilie and T. Sandel (Eds) *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction* (pp. 1–14). Boston: John Wiley & Sons.
- Zhang, D. (2021). Sinophobic Epidemics in America: Historical Discontinuity in Disease Related Yellow Peril Imaginaries of the Past and Present. *Journal of Medical Humanities*, 42, 63–80.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022

Статья принята к публикации 15.03.2022

Для цитирования: Поцелуев С. П., Мэн Юйфэн. В поисках «китайского вируса»: мифонаративы западной синофобии в период пандемии COVID-19. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 1. С. 63-80.

IN SEARCH OF THE “CHINESE VIRUS”: MYTHONARRATIVAS OF WESTERN SYNOPHOBIA DURING THE COVID-19 PANDEMIC

S. P. Potseluev, Meng Yufeng

Sergey P. Potseluev

E-mail: spotselu@mail.ru. ORCID 0000-0002-8562-6541.

Meng Yufeng

E-mail: 552094367@qq.com. ORCID 0000-0002-3747-8927.

Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

Abstract. The object of this article is to identify the metaphorical status of the controversial disputable expression the “Chinese virus”, which became widespread in Western anti-China propaganda during the initial period of the COVID-19 pandemic. The authors prove the sinophobic and metaphorical status the concept, referring to broad multimedia and socio-cultural and historical background of its context. Using the methodology of critical discourse analysis and, in particular, the “discourse-historical approach” (R. Wodak), the authors identify the metaphors that have become part of the Western Sinophobia tradition that constitute the semantic field around the concept of the “Chinese virus”. Considering the cognitive theory of metaphor as an important resource for critical discourse analysis, the authors accentuate the different versions of narrative paraphrasing of the metaphorical concept of the “Chinese virus”. The

article highlights the most popular versions of the “Chinese virus” narrative and notes their similarities to the versions of the “just war fairy tale” identified by J. Lakoff in American propaganda discourse during the 1990s Persian Gulf War. While emphasizing the mythical status of the “Chinese virus” narrative, the authors point to the propaganda urgency to support this narrative through fake news. The article analyzes a number of cases of such messages, focusing on the political and commercial motives of their authors, as well as the response of the Chinese media to them, which results in the corresponding war of narratives. The study concludes that the key element of the sociopolitical context of the metaphorical concept of the “Chinese virus” is the communicative commonwealth of several social actors based on common interests: professional politicians, the media, the engaged scientists, and representatives of intelligence services and businesses.

Keywords: COVID-19, “Chinese virus”, metaphor, narrative, myth, war of narratives, media, fake news, intelligence services.

DOI 10.31429/26190567-23-1-63-80

References

- Alexander, R. J. (2013). Shaping and Misrepresenting Public Perceptions of Ecological Catastrophes: the BP Gulf Oil Spill. *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*, 7, 1–18.
- Amatov, A. M., Bondarenko, E. V., Pupynina, E. V. (2019). Amerikanskiy politicheskiy diskurs: metafory voyny i voina metaphor [American Political Discourse: Metaphors of War and War of Metaphors]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin. Series: Humanities], 38(1), 5–12.
- Ankersmit, F. R. (2003). *Narrativnaya logika: Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [Narrative Logic. A Semantic Analysis of the Historian’s Language]. Moskva: Ideya-Press.
- Brugman, B. C., Burgers, C., Vis, B. (2019). Metaphorical Framing in Political Discourse through Words vs. Concepts: A Meta-Analysis. *Language and Cognition*, 11(1), 41–65.
- Dijk, Teun A. van (2013). *Diskurs i vlast’: reprezentatsii dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representations of Dominance in Language and Communication]. Moskva: Knizhnyi dom “LIBROKOM”.
- Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis: Papers in the Critical Study of Language*. New York: Longman.
- Fuchs, C. (2020). Everyday Life and Everyday Communication in Coronavirus Capitalism. *TripleC*, 18(1), 375–399.
- Gamson, W.A., Modigliani, A. (1989). Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach. *American Journal of Sociology*, 95(1), 1–37.
- Jacob, J. T. (2020). ‘To Tell China’s Story Well’: China’s International Messaging during the COVID-19 Pandemic. *China Report*, 56(3), 374–392.
- Lakoff, G. (1999). *Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters*. Berkeley: The University of California at Berkeley and The Rockridge Institute.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moskva: Yeditorial URSS.
- Lynteris, C. (2018). Plague Masks: The Visual Emergence of Anti-Epidemic Personal Protection Equipment. *Medical Anthropology Journal*, 37(6), 442–457.
- Lynteris, C. (2018). Yellow Peril Epidemics: The Political Ontology of Degeneration and Emergence. In F. Bille, S. Urbansky (Eds) *Yellow Perils: China Narratives in the Contemporary World* (pp. 34–53). Honolulu: University of Hawaii Press.
- Menon, R. (2003). The Sick Man of Asia: Russia’s Endangered Far East. *The National Interest*, 73, 93–105.
- Odiije, M. (2018). The Fear of ‘Yellow Peril’ and the Emergence of European Federalist Movement. *The International History Review*, 40(2), 358–375.

- Panther, K. — U. (2006). Metonymy as a Usage Event. In G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven, F. J. R. de Mendoza Ibáñez (Eds) *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives* (pp. 147–186). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Rasmussen, A. L. (2021). On the Origins of SARS-CoV-2. *Nature Medicine*, 27(9), 8–9.
- Schön, D. A. (1979). Generative Metaphor: A Perspective on Problem-setting in Social Policy. In A. Ortony (Ed.) *Metaphor and Thought* (pp. 254–283). Cambridge: Cambridge University Press.
- Skrynnikova, I. V. (2017). Metaforicheskiy freiming politicheskikh sobytii: kak formiruiutsia ubezhdeniia [Metaphorical Framing of Political Events: How Are Beliefs Shaped?]. In *Vserossiyskaia konferentsiia po kognitivnoi nauke KISE-2017* [All-Russian Conference on Cognitive Science Kise-2017] (pp. 267–277). Kazan': Izd-vo KFU.
- Sontag, S. (1978). *Illness as Metaphor*. New York: Farrar, Straus and Giroux,
- Wodak, R. (2015). Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach. In K. Tracy, C. Ilie and T. Sandel (Eds) *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction* (pp. 1–14). Boston: John Wiley & Sons.
- Zhang, D. (2021). Sinophobic Epidemics in America: Historical Discontinuity in Disease Related Yellow Peril Imaginaries of the Past and Present. *Journal of Medical Humanities*, 42, 63–80.

Received 10.02.2022

Accepted 15.03.2022

For citation: Potseluev S. P., Meng Yufeng. In Search of the “Chinese Virus”: Mythonarrativas of Western Synophobia During the COVID-19 Pandemic. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 63-80.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).